

Чжэн Тань поначалу не придавал особого значения своему состоянию, но, увидев, что Шао Юй полон сил и бодр, он понял — тот каким-то образом избежал действия подстроенной им ловушки. Чжэн Тань был человеком мелочным и злопамятным. Сам он, узнав, что кто-то пытался его отравить, непременно отомстил бы, а потому, меряя других по себе, решил, что нынешние мучения — дело рук Шао Юя.

Чжэн Тань в ярости указал на него дрожащим пальцем, глаза его налились кровью:

— Это ты! Это ты, точно ты!

Шао Юй нахмурился:

— О чем вы, брат Чжэн?

— Тот суп Чжуаньюань, который я выпил! До того, как я лег спать, со мной всё было в порядке, а проснулся — и началось! Это ты подмешал в мой суп порошок кротона! Иначе с чего бы мне так скрутило живот! — чем больше Чжэн Тань об этом думал, тем сильнее разгорался его гнев.

Окружавшие их студенты зашумели, бросая на Шао Юя подозрительные взгляды.

Шао Юй, хотя и сохранял спокойствие, понимал: если сейчас не объясниться, слухи разлетятся мгновенно, и его репутация будет погублена. Он нахмурился и снова спросил:

— Брат Чжэн, вы о чем?

— Это точно ты! Кроме тебя, никто не мог так со мной поступить! — взревел Чжэн Тань.

Его тон был настолько уверенным, а присутствующие так мало знали о Шао Юе, что многие невольно поверили в его слова.

Шао Юй, не торопясь, ответил:

— Мы с вами земляки, но живем в разных гостиницах. Последние несколько дней я носа не казал из своей, да и перед сном времени на повторение материала едва хватает. Когда бы я нашел время, чтобы подсыпать вам яд?

— Кроме тебя — никого! Только ты ненавидишь меня так сильно! — за спиной Чжэн Таня снова раздались характерные звуки, и люди, зажимая носы, поспешно отпрянули.

Шао Юй, не сводя с него прямого взгляда, произнес:

— Да, из-за той несостоявшейся помолвки между нами возникли разногласия, но ведь свадьба так и не состоялась, я ничего не потерял. С чего бы мне вас ненавидеть? Да так, чтобы попытаться разрушить ваше будущее?

Может, от слабости из-за отравления, а может, по другой причине, но Чжэн Тань выпалил, не задумываясь:

— Потому что я раньше разрушил твое будущее! Ты ненавидишь меня за то, что я подсыпал тебе яд в прошлые разы!

— Брат Чжэн! — Сунь Чао и Цянь Жань в ужасе уставились на него.

Чжэн Тань, осознав, что сболтнул лишнее, в испуге прикрыл рот рукой.

Шао Юй же изобразил крайнее изумление. Хотя он давно догадывался о правде, он не ожидал, что Чжэн Тань так легко признается. Хриплым голосом он проговорил:

— До той помолвки я считал нас лучшими друзьями. Перед тремя моими предыдущими экзаменами я постоянно заболел. Я думал, что мне просто не везет, а оказалось — это ты, волчья душа, намеренно губил мою карьеру!

Шао Юй говорил со слезами на глазах, выглядя глубоко уязвленным. Студенты, представив, как трижды были сорваны его попытки сдать экзамены, прониклись сочувствием и начали смотреть на Чжэн Таня с нескрываемой неприязнью.

Стоявший рядом Шао Далан был вне себя от ярости. Он вспомнил, как семья Шао все эти годы бедствовала, пытаясь оплатить учебу брата. Оказалось, дело было не в невезении, а в подлости этого ничтожества. Раньше Шао Юй часто упоминал о помощи Чжэн Таня, и хотя семья его не видела, они были ему искренне благодарны.

Теперь же, когда правда вскрылась, стало ясно, что Чжэн Тань вовсе не добрый друг, а мелочный интриган. Шао Далану не терпелось огреть его табуреткой, чтобы разбить эту лицемерную физиономию.

— Купите маленькую табуретку, — вдруг обратился к нему один из студентов.

Эта реплика разрядила обстановку. Покупатель, увидев, что спор затих, поторопил Шао Юя:

— Чего же вы остановились? Вы еще не смыли с себя подозрения в отравлении.

Было очевидно, что этот человек просто пришел поглазеть и только что не достал семечки, чтобы грызть их во время представления.

После его вмешательства другие студенты, долго стоявшие в толпе, почувствовали, что ноги затекли. Им было жалко переплачивать за табуретки Шао Далана, но, чтобы не показаться мелочными на глазах у всех, несколько человек купили их, не торгуясь.

Шао Юй не ожидал такой неожиданной удачи. Он не рассердился, что стал объектом

любопытства, а поклонился собравшимся:

— Господа, вы сами слышали: этот человек признался, что трижды травил меня, ломая мне жизнь. Моя семья бедна, мы отдали последнее, чтобы я мог учиться. Разве могу я оставить такую обиду без ответа? Мои родители, которые столько натерпелись ради меня, этого не простят.

— Разрушить человеку карьеру — это страшное зло! Конечно, нельзя оставлять это безнаказанным! — возмущенно воскликнул один из студентов.

Другие поддержали его:

— Брат Шао, делай, что считаешь нужным, мы тебя поддержим!

Толпа гудела. Чжэн Тань стоял бледный как полотно, а Шао Юй продолжил:

— Дело серьезное, прошу вас стать свидетелями. После окончания сянши я подам жалобу на этого человека за попытку отравления.

Чжэн Таня затрясло, ноги у него подкосились, но он упрямо вскинул подбородок:

— Ты сегодня тоже меня отравил! Мы квиты!

Шао Юй усмехнулся:

— Я живу в гостинице Фусун, а вы где остановились?

— В гостинице Юэлай, — ответил Чжэн Тань.

— Ого, одна на юге города, другая — на востоке, — заметил студент, купивший табуретку.

— Та миска супа, которую вы выпили после сна, полагаю, еще была горячей? — спросил Шао Юй.

— Горячей, — Чжэн Тань лихорадочно соображал, чувствуя, что что-то не так.

— Не будем обсуждать, отравились ли вы на самом деле порошком кротона. Допустим, это так. Перед экзаменом многие выпивают чашку супа Чжуаньюань. Гостиница не варит персональную порцию для каждого, это общий котел. Если другие постояльцы Юэлай здоровы, значит, яд был не в котле, а именно в вашей миске. Пока суп принесли из кухни к вам, прошло от силы время, необходимое для чаепития. За это время я должен был ускользнуть от хозяина гостиницы и повара, миновать слуг и подсыпать яд. Я всего лишь слабый книжник, откуда у меня такие таланты? К тому же, я должен был вернуться на юг города, чтобы выйти вместе с постояльцами Фусун. Ночью верховая езда запрещена, от востока до юга города пешком идти почти час. Видимо, я очень быстро бегаю.

Чжэн Тань тут же поправился:

— Кто сказал, что ты травил сам? Ты наверняка подкупил слугу!

Шао Юй, не упоминая о заработках брата, продолжил:

— Давайте посчитаем. Моя семья бедна, денег у нас нет, на поездку я занял тридцать лян у товарищей. Чтобы подкупить слугу и отравить кандидата на экзамен, двух-трех лян не хватит, нужно как минимум десять. Я в Цзиньлине уже десять дней, расходы здесь огромные. Сколько же мне нужно было экономить, чтобы скопить такую сумму на подкуп?

Среди студентов было много приезжих, они умели считать деньги: тридцать лян едва хватало на десять дней жизни.

— Десятью лянами слугу в Цзиньлине не подкупить, — вставил любитель поглазеть, демонстрируя знание местных реалий.

Чжэн Тань оказался в ловушке. Не зная, что еще придумать, он упрямылся:

— Черт его знает, где ты взял деньги, но кроме тебя я никого не вижу!

Шао Юй отрезал:

— С вашим мелочным и злопамятным характером, как вы можете быть уверены, что обидели только меня?

— Брат Чжэн, не ожидал, что вы такой человек. Я в вас ошибся! — увидев, что Чжэн Тань проиграл, Сунь Чао поспешил отмежеваться. С праведным видом он поклонился Шао Юю: — Раньше я был введен в заблуждение Чжэн Танем и несправедливо винил вас, считая подлым человеком. Мне очень стыдно.

Шао Юй подумал, что вкус Чжэн Таня на друзей ничуть не лучше его самого — такие же лицемеры, которые при первой же опасности меняют сторону. Хотя он презирал Сунь Чао, на людях он оставался вежливым.

Чжэн Тань, не зная, как оправдаться, и понимая, что его репутация уничтожена, под косыми взглядами толпы, не обращая внимания на боль в животе, прикрыл лицо руками и поспешно скрылся.

Когда с хулиганством Чжэн Таня было покончено, торговля табуретками у Шао Далана пошла как по маслу. Он даже сбегал в гостиницу за остатками товара, и вскоре все табуретки были распроданы.

После инцидента многие захотели подружиться с Шао Юем. Самым настойчивым оказался тот самый любопытный студент по имени Чи Гу, уроженец Цзиньлина, который тоже впервые

участвовал в сянши.

Он был человеком открытым, но обожал сплетни и был ужасным болтуном. Он не отходил от Шао Юя полдня, пока не пришло время заходить на экзаменационный двор, и только тогда наконец замолчал, подарив Шао Юю долгожданное облегчение.

Сянши состоял из трех этапов, каждый длился три дня. Между ними был перерыв, всего экзамен занимал одиннадцать дней.

Внутри экзаменационного двора условия были тяжелыми: если не повезет получить камеру с дырявой крышей в дождливую погоду, можно было едва выжить. А близость к туалетам за три дня могла лишить человека обоняния навсегда.

Во второй день пошел дождь, но Шао Юю повезло: его камера была одной из немногих с целой крышей и находилась далеко от туалетов, поэтому он смог сосредоточиться на работе.

Оставалось только ждать результатов.

Теперь, когда экзамен был позади, Шао Юй мог разобраться с Чжэн Танем. Многие студенты, бывшие свидетелями, согласились дать показания, но в гостинице Юэлай Шао Юю сообщили, что Чжэн Тань съехал сразу после начала экзаменов и его след простыл.

Шао Юй не расстроился: от сумочки не убежишь, разберется с ним по возвращении домой.

На следующее утро после отдыха Шао Далан с нерешительным видом подождал, пока брат проснется, чтобы спросить совета: стоит ли им поискать способ подзаработать, пока они ждут результатов в Цзиньлине?

На волне ажиотажа перед экзаменами Шао Далан продал около сотни табуреток и заработал десять лян. Деньги пришли быстро, и он жалел только об одном — что у него всего две руки и он не может носить больше товара. Раньше он знал только полевые работы, а теперь, почувствовав вкус к торговле, хотел развернуться по-настоящему.

Шао Юй еще не решил, как поступить, когда к ним заглянул болтун Чи Гу. Он оказался человеком отзывчивым, его семья тоже занималась торговлей, поэтому он дал им несколько дельных советов. Несколько дней они вдвоем исследовали город в поисках товаров для перепродажи.

Чи Гу был проницателен: он узнал Шао Далана, который торговал табуретками, и понял, что они братья, но, несмотря на свою болтливость, не стал распространяться об этом.

К моменту оглашения результатов Шао Далан выбрал товар: местную ткань из Цзиньлина — тонкое полотно рода Тань. Оно было прочным и износостойким, хотя и грубоватым на ощупь,

зато дешевым. Богачи на него не смотрели, но простые люди охотно покупали.

Тем временем в семье Шао Фан Хуэйнян места себе не находила от беспокойства: то за деньги, то за здоровье мужа, то за его возможную неудачу. Тут как раз пришло известие, что ее младшая сестра выходит замуж, и ее позвали в дом отца на церемонию придания приданого.

Она знала, что должна прийти, но семья Шао была бедна, ее собственное приданое давно разошлось, и ей нечего было предложить. Старая госпожа Шао, видя ее мучения, со скрипом в сердце выделила ей три медные монеты.

На людях мачеха Фан Хуэйнян, госпожа Чжан, изображала заботу, и родственники хвалили ее за добродетель. Но стоило остаться наедине, как лицо ее перекосилось.

— Младшая сестра выходит замуж, а ты принесла три монеты? Вышла за деревенщину и нахваталась их нищенских привычек, — съязвила она.

Фан Хуэйнян, будучи кроткой по натуре, не посмела возразить и лишь опустила голову.

Этот скудный дар заставил господина Фана потерять лицо перед родственниками. Он посмотрел на дочь:

— Когда ты еще не была замужем, сестра тебя уважала. А теперь ты не только не помогла ей, но и опозорила ее перед семьей мужа. Больше не возвращайся в дом отца, я буду считать, что у меня нет такой бессердечной дочери.

Слова были слишком жестокими, Фан Хуэйнян заплакала:

— Отец, я не бессердечна, просто у нас дома не на что даже купить еды...

— Я дал тебе богатое приданое, когда ты выходила замуж! Ты настолько никчемна, что не смогла его сохранить? Убирайся, ты мне больше не дочь! — прорычал господин Фан. Он был в ярости, что его старшая дочь испортила ему триумф перед родственниками.

— Отец...

Она хотела молить о прощении, но господин Фан махнул рукой, приказывая слугам выгнать ее.

В этот момент вбежал слуга:

— Господин, к старшей барышне пришли из деревни Шао.

Господин Фан нахмурился:

— Что еще за деревенщина смеет порочить мой дом? Выгнать их!

Слуга замялся:

— Но они говорят, что принесли радостную весть.

— Радостную? Какая радость может быть в этой дыре? — раздраженно бросил господин Фан.

— Говорят, зять Шао занял первое место на сянши, и семья Шао просит старшую барышню вернуться.

Первое место? Господин Фан вскочил, как ужаленный, и накричал на слуг, которые выталкивали Фан Хуэйнян:

— Вы что творите?! Как вы смеете обижать госпожу нашего дома? Где ваши глаза? Живо отпустите ее!

Он сам подбежал к дочери:

— Доченька, сколько мы не виделись, ты так похудела!

Госпожа Чжан не ожидала такого поворота. Шао Юй стал цзюйжэнем, его статус теперь был несравним с прежним. Она не раз обижала супругов Шао и теперь смертельно испугалась.

Господин Фан не обращал на нее внимания:

— Чего стоишь? Быстро неси то птичье гнездо, что нам присылали, пусть Хуэйнян заберет его домой, чтобы поправить здоровье!

Госпожа Чжан, которая сама берегла это лакомство для своей младшей дочери, чуть не задохнулась от ярости, но вынуждена была подчиниться.

— Господин, люди из деревни Шао ждут снаружи, — напомнил слуга.

Господин Фан хлопнул себя по лбу:

— Ох, я проявил неуважение к почетным гостям! Скорее, проводите их внутрь!

Семья Шао получила известие от чиновников. Старый господин Шао не мог найти денег на вознаграждение, и тогда глава рода, решив, что появление цзюйжэня в их деревне — великая честь, сам выделил лян серебра.

Большинство жителей деревни носили фамилию Шао, но ветвь старого господина Шао всегда была в стороне, отношения были прохладными из-за старых обид. Теперь же, когда стало ясно, что Шао Юй скоро возвысится, глава рода поспешил наладить отношения.

Старые распри давно поросли быльем, и раз глава рода пошел на уступки, господин Шао не стал упрячиться. Вскоре все вокруг сияли от счастья.

Не прошло и часа после ухода гонцов, как господин Фан прибыл в деревню Шао. Он выглядел сияющим, за ним следовали слуги с подарками. С тех пор как пришла весть, в доме Шао было не протолкнуться. Господин Фан, в отличие от замкнутого господина Шао, вел себя крайне обходительно, распоряжаясь угощениями так, будто он был хозяином дома.

— Сваты, вы вырастили замечательного сына! Я еще при первой встрече понял, что он не обычный человек. И вот — первое место на сянши, цзеюань! Поедет в столицу — и звание цзиньши у него в кармане. Станете родителями высокопоставленного чиновника, какое счастье!

Завидовал ли господин Фан? Он завидовал так, что готов был разрыдаться. Раньше он презирал эту деревенскую пару, а теперь вынужден был рассыпаться в лести. Ситуация изменилась: что может противопоставить торговец человеку, который скоро станет чиновником?

Он вспоминал болезненного Шао Юя и думал, что зря выдал за него дочь. Кто бы мог подумать, что такой хилjak совершит такой рывок? Первое место — это не шутки, значит, талант у зятя настоящий.

Господин Фан пожалел, что слушал жену и отдалился от зятя. Он посмотрел на дочь, одетую слишком просто, и нахмурился:

— Теперь ты жена цзюйжэня, негоже выглядеть так скромно.

— Отец, что вы имеете в виду? — Фан Хуэйнян все еще не могла прийти в себя. Всего за один день она стала женой цзюйжэня, и даже мачеха теперь боялась смотреть ей в глаза. Она не была глупой и понимала, что лицемерие отца продиктовано выгодой, но все же он был ее отцом.

— Ты молода, как цветок, должна себя украшать. Муж теперь человек важный, если ты будешь ходить как простая крестьянка, а он заглядится на сторону, что тогда будешь делать?

Фан Хуэйнян смутилась.

— Но сейчас мы в долгах перед товарищами мужа, даже на еду денег не хватает...

Раньше, услышав это, господин Фан решил бы, что дочь пришла просить денег. Но теперь он увидел в этом прекрасную возможность. Инвестировать в дочь, помочь ей привязать мужа,

чтобы потом, когда зять станет влиятельным чиновником, его бизнес в уезде пошел как по маслу. Теперь никто не посмеет смотреть на него свысока.

<http://bllate.org/book/25708/3072680>